

УДК 902.6

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ III—II ВВ. ДО Н.Э. В УРАЛО–КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЯХ

А.Д. Таиров
e-mail: tairov55@mail.ru

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Статья поступила 7 декабря 2004 г.

Во второй половине III в. до н.э. в урало–казахстанских степях, также как и на примыкающей к ним территории Средней Азии, происходят значительные изменения, связанные в целом с трансформацией этнокультурной ситуации в восточной части степной Евразии, вызванной подвижками кочевого населения Центральной Азии [1, с. 89—99]. Однако связывать эти изменения лишь с северным походом Модэ 203—202 гг. до н.э. вряд ли правомерно. Очевидно, продвижение на север и северо–запад отдельных групп или родовых подразделений центральноазиатских кочевников, и не только хунну, могло происходить и ранее, по крайней мере, уже в середине III в. до н.э., в период создания и усиления хуннского племенного объединения. Как отмечает Н.Н. Крадин, «хуннская полития, в период, предшествовавший воцарению Модэ, при правлении Тоуманя и даже, видимо, ранее, в середине III в. до н.э. предстает как сложившаяся централизованная политическая система с существующей социальной стратификацией, разработанной иерархической системой управления..., сложившимися институтами высшей власти» [2, с. 31, 32].

Кроме того, надо иметь в виду и некоторые моменты политики как отдельных китайских царств конца периода Чжаньго, так и империи Цинь по отношению к северным «варварам» — кочевым племенам Северного и Северо–западного Китая. Так, в 327 г. до н.э. протогосударственное объединение западных жунов Ицюй признало себя вассалом Цинь. В 314 г. до н.э. поход циньцев закончился присоединением 25 ицюйских «городов» к царству Цинь. В 272 г. до н.э. правитель Ицюя был заманен в циньскую столицу и там убит. На территории его царства были основаны циньские округа [3, с. 177, 178]. На рубеже IV—III вв. до н.э. лоуфани — кочевые племена, центром расселения которых были северные районы провинции Шаньси и прилегающие области Ордоса, вместе с племенами ху и линьху были разгромлены «на севере» чжаоским правителем Улин–ваном. В дальнейшем линьху упоминаются на северных границах Чжао, а лоуфани только к западу от него. После этого разгрома лоуфани утратили не только контроль над торговыми путями, но и пастбища на севере Шаньси. На захваченных землях были организованы три новых округа царства Чжао, в результате чего «территория царства увеличилась, по меньшей мере, вдвое». Для защиты вновь приобретенных и осваиваемых земель была возведена пограничная стена [4, с. 191, 211; 5, с. 105—108, 113. Рис. 1]. В период с 300 по 295 гг. до н.э. Чжао в союзе с Ци и Янь полностью захватило владение Чжуншань (на западе современной провинции Хэбэй), населенное потомками племен белых ди [3, с. 183; 6, с. 252]. Между 265 и 245 гг. до н.э. Ли Му, военачальник царства Чжао разгромил ряд северных кочевых племен. В тексте главы 81 «Ши Цзи» повествуется: «Ли Му, служивший в северных пограничных областях царства Чжао ..., готовый отразить нападение сюнну... Вдоль границ были поставлены башни с сигнальными огнями... Когда сюнну вторглись малыми силами, то он отошел... Узнав об этом, сюннуский шаньюй вторгся в чжаоские земли с огромной массой своих воинов. Но Ли Му...

развернул свои левый и правый фланги и ударил по армии сюнну, нанеся ей крупное поражение. Погибло более 100 тысяч сюннских конников. Он уничтожил [племена] даньлань, разгромил [племена] дунху, принудил сдаться [племена] линьху. Шаньюй спасся бегством. В последующие десять с лишним лет племена сюнну уже не решались приближаться к пограничным городам Чжао» (цит. по: [5, с. 107]). Ко времени Ли Му земли владения Янь были расширены на север за счет захвата земель, принадлежавших племени дунху, и обнесены стеной. В ходе военных кампаний 214—212 гг. до н.э. цинская империя вытеснила ряд кочевых племен из Ордоса. Для защиты вновь приобретенных земель от набегов «варваров» была построена пограничная стена. В результате сюнну ушли на север, куда была перенесена и ставка Тоуманя. Однако через несколько лет, уже при Модэ, сюнну покоряют лоуфаней и байен, захватывают ранее завоеванные китайцами земли на востоке Ордоса [5, с. 108, 115—118].

В III в. до н.э. подконтрольные сюнну (хунну) земли могли охватывать, по предположению А.А. Ковалева, подковообразно излучину Хуанхэ, в том числе и Ордос, заселенный племенами лоуфань и байян. На востоке сюнну граничили с дунху, а на западе — с юэчжи, жившими в районе Ганьсуйского коридора [5, с. 118, 119]. Здесь, в юго-западной части современной провинции Ганьсу, во второй половине III в. до н.э., вероятно, находилась коренная территория и основные центры юэчжей, привязанные к древней трансасиатской торговой трассе [7, с. 295; 8, с. 237; 9, с. 172].

Во второй половине III в. до н.э. юэчжи представляли собой могущественный и, следует особо подчеркнуть, этнически неоднородный племенной союз центральноазиатских кочевников. Власть юэчжийских вождей и расселение их племен распространялись на большую часть Монголии, Джунгарию, Тянь-Шань, а также на Таримский бассейн и верховья Хуанхэ [9, с. 172, 175; 10, с. 55, 60; 11, с. 13]. Прямо или косвенно китайская историография свидетельствует о долгой истории хунно-юэчжийских столкновений. До конца III в. до н.э. юэчжи имели явное военно-политическое превосходство над хуннами, которое утратили на рубеже III—II вв. до н.э. [9, с. 175].

В 209 г. до н.э. Маодунь, старший сын хуннского шаньюя Тоуманя, узурпировал трон, объявив себя шаньюем и объединил хунну. Вслед за этим он разгромил дунху и овладел степной частью Манчжурии. Затем он напал на юэчжей и оттеснил их на запад. С этого времени началась длительная война между хуннами и юэчжами. Около 205—204 гг. до н.э. Маодунь-шаньюй покорил ордосские племена лоуфань и байян. В 203—202 гг. до н.э. он подчинил племена Саяна, Алтая и верхнего Енисея (хуньюй, кюеше, динлинов, гэгунь, цайли). Самую жестокую войну Маодуню и его наследнику Лаошань-шаньюю пришлось выдержать с юэчжами. Окончательная победа была одержана хуннами в 165 г. до н.э. (Предлагаются и другие даты этого поражения юэчжей — 160 г. до н.э., 158 г. до н.э., 174 г. до н.э. [8, с. 239; 12, с. 68]). Вождь юэчжей пал в бою, а из его черепа Лаошань Цзиюй сделал чашу для питья. После этого поражения начался исход на запад большей части юэчжей, обитавших на территории современного Северного и Северо-Западного Китая [8, с. 239; 9, с. 175, 176; 13, с. 53, 69]. Первоначально из Ганьсу и Нинся (Северный Китай) юэчжи уходят в Таримскую котловину и долину реки Или (Восточный Туркестан и Семиречье), вытеснив оттуда сэ (саков). Вскоре под ударами усуней они покидают и эти территории и движутся далее — через Фергану в Среднюю Азию. Между 141 и 128 гг. до н.э. юэчжи разгромили Бактрию (Дася) и «подчинили эту страну» [8, с. 236—241; 10, с. 55; 12, с. 68; 14, с. 38]. Однако большая часть пришедших с востока кочевников осталась в Средней Азии, в том числе в бассейне Сырдарьи и в Приаралье.

Время начала второй волны миграции юэчжей, с территории Восточного Туркестана и Семиречья, точно в источниках не указывается и разными исследователями оно определяется в пределах от 160 г. до н.э. до 129 г. до н.э. [8, с. 239, 240; 12, с. 68; 15, с. 342].

Таким образом, на наш взгляд, уже в III в. до н.э., по крайней мере, с середины этого столетия, вполне вероятны миграции на север и северо-запад отдельных групп или родовых подразделений центральноазиатских кочевников. Как отмечает В.И. Молодин, в III в. до н.э. на Южный Алтай, по-видимому, с юго-востока проникают небольшие группы носителей «одного из вариантов культуры плиточных могил или ранних гуннов» [16, с. 119]. Памятники III в. до н.э. Южного Алтая (плато Укок) дают заметное увеличение доли монголоидного компонента, по сравнению с предшествующим пазырыкским населением. Обнаруженный здесь высоколицый монголоидный компонент можно связать с хунну Забайкалья и Монголии [17, с. 128]. Во второй половине

III в. до н.э. в Горный Алтай «начинают проникать племена хунну, что неоднократно фиксируется в погребальных комплексах пазырыкцев» [18, с. 71].

Следует подчеркнуть, что, употребляя здесь и далее этнонимы «сюнну», «хунну», «гунны», «юэчжи», мы не вкладываем в них конкретного этнического содержания. Мы следуем лишь за исследователями, употребляющими данные этнонимы в своих работах. Для нас важно лишь то, что эти этнонимы применяются ими для обозначения тех или иных групп кочевого населения Монголии, Северного и Северо-западного Китая (Восточного Туркестана).

Все большее усиление хунну в Монголии и Синьцзяне привело к росту их влияния на пазырыкцев, что способствовало усилению этнокультурных контактов, а затем, вероятно, к гуннской экспансии в районы Горного Алтая [18, с. 72; 19, с. 136]. Приток нового населения в районы Алтая в результате «разгрома пазырыкцев-юэчжей хуннами в конце III — первой половине II вв. до н.э.» отмечает и В.А. Могильников [20, с. 83]. В это время прекращает свое существование пазырыкская культура Алтая. Крайняя малочисленность памятников II—I вв. до н.э. заставляет предполагать уход части населения с территории Горного Алтая уже на рубеже III—II вв. до н.э. «Вполне возможно, что часть пазырыкского населения в составе широкой общности позднескифских племен Алтая, Восточного Казахстана, части Монголии, соотносимой с племенным объединением юэчжей, покинула территорию Горного Алтая и мигрировала на запад» [21, с. 129].

В III в. до н.э. в Восточном Казахстане появляются памятники кулажургинской культуры III в. до н.э. — I в. н.э. Эта культура по основным показателям погребального обряда и инвентаря резко отличается от культуры этого региона предшествующего времени [22, с. 135]. Наибольшее сходство памятники первого этапа кулажургинской культуры обнаруживают с памятниками Алтая и Тувы. Данное обстоятельство свидетельствует, по мнению З.С. Самашева, о тесных связях кулажургинского населения Восточного Казахстана с племенами Горного Алтая и Центральной Азии [23, с. 113]. С другой стороны, сходство кулажургинских памятников с синхронными комплексами соседнего Алтая, возможно, объясняется близостью и родством населения [24, с. 145]. Не поднимая вопроса о происхождении кулажургинской культуры, хотелось бы еще раз обратить внимание на уже отмеченную в литературе близость кулажургинских памятников погребальным сооружениям кара-кобинской группы или культуры конца VI — рубежа III—II вв. до н.э. Горного Алтая [20, с. 78].

В Центральном Казахстане своеобразную группу памятников составляют погребальные комплексы «коргантасского типа», датированные III—I вв. до н.э. [25, с. 89]. Особенностью этих комплексов являются особые жертвенные места — отсеки, устроенные, как правило, с северо-восточной стороны ямы за изголовьем погребенного. Во всех отсеках найдены черепа баранов, лошадей, редко коз и только в одном случае быка с одним шейным позвонком, а также кости ног животных (копыта, фаланги). Сравнение погребений коргантасского типа с погребениями всех этапов тасмолинской культуры показывает, что коргантасский обряд погребения для тасмолинских племен Центрального Казахстана неизвестен. Аналогии ему А.З. Бейсенов и Д.А. Кожаков находят в хуннских памятниках Монголии и Забайкалья, отмечая, что такие головные жертвенные отсеки типичны для рядовых захоронений центральноазиатских хунну. Иногда эта деталь обряда появляется и у народов, находящихся под сильным хуннским влиянием. Исходя из этого, они делают вывод, что «... подобные жертвенные места, или отсеки с черепами животных, нужно связывать с хуннским погребальным обрядом» [26, с. 61, 62]. Территориально ближайший к коргантасскому обряду погребения прослежен на Северо-западном и Южном Алтае и связан, вероятно, с инфильтрацией сюда населения из Северного Китая. Положение умерших вытянуто на спине, головой на северный сектор, при наличии костей коров, овец, лошадей, баранов и коз (черепов, фаланг, копыт, лопаток), которые укладывались в определенном порядке в головах погребенного в специальной нише и на перекрытии могилы, довольно часто встречается в могилах скифского времени Северного Китая (Маоцингоу, Таохунбала и др.) [27, с. 102—104; 28, с. 108].

На Южном Урале, в частности в Южном Зауралье, с передвижениями племен Центральной Азии и Саяно-Алтая в III—II вв. до н.э. можно, на наш взгляд, связать появление уже в III в. до н.э. и, особенно, во II в. до н.э. ряда инноваций в материальной культуре. Сразу отметим, что инноваций в погребальном обряде в этот период почти не прослеживается. Связано это, вероятно, не столько с малочисленностью в южноуральских степях погребений III—II вв. до н.э. [30, с. 6, рис. 12], сколько с тем, что сюда, очевидно, проникали группы родственные ранее ушедшим на запад кочевникам. Инновации в погребальном обряде проявляются лишь в появлении погребений в каменных ящиках, в генезисе которых, как считает С.Ю. Гуцалов, вполне возмо-

жен восточный импульс. Наиболее близки территориально этому типу погребений Южного Приуралья памятники коргантасского типа Центрального Казахстана [29, с. 185, 186].

Инновации в материальной культуре проявились, прежде всего, в вооружении. В III—II вв. до н.э. появляются кинжалы с прямым перекрестием без навершия или кольцевым навершием, без металлического перекрестия и навершия, новая конструкция лука — с концевыми костяными накладками. К инновациям можно отнести и распространение миниатюрных височных колец и серег в полтора–два оборота, появление бронзовых литых миниатюрных котелков, прорезных колокольчиков, бронзовых и железных восьмерковидных пряжек с неподвижным боковым выступом или крючком, костяных наверший гребней, а также костяных поясных пряжек.

Заключение

Во второй половине III—II вв. до н.э. в урало–казахстанских степях, также как и на примыкающей к ним территории Средней Азии, происходят значительные изменения, связанные с трансформацией этнокультурной ситуации в Центральной Азии. История создания державы хунну и данные письменных источников о взаимоотношениях китайских царств и северных «варваров» в конце периода Чжаньго позволяют утверждать, что уход части кочевников Северного и Северо–западного Китая на север и северо–запад начался еще до северного похода Модэ 203—202 гг. до н.э. Особенно же усилился этот процесс после разгрома хуннами юэчжей в 165 г. до н.э.

С III в. до н.э. присутствие мигрантов центральноазиатского происхождения археологически фиксируются на Алтае (Южном и Горном). Вероятно, под давлением пришельцев часть аборигенного населения Горного Алтая смещается к западу, что приводит к появлению памятников кулажургинского типа в Восточном Казахстане. В Центральном Казахстане в III в. до н.э. появляются погребения коргантасского типа, никак не связанные с предшествующей тасмолинской культурой этого региона. Появление их обусловлено, очевидно, инфильтрацией в Центральный Казахстан кочевого населения Северного Китая, оставившего там памятники типа Маоцингоу.

На Южном Урале, в частности в Южном Зауралье, с передвижением племен Центральной Азии и Саяно–Алтая III—II вв. до н.э. можно связать появление уже в III в. до н.э. ряда инноваций в материальной культуре — в вооружении, украшениях, предметах культа и поясной гарнитуры. Инноваций в погребальном обряде в этот период почти не прослеживается. Связано это, вероятно, с тем, что сюда проникали группы, родственные ранее ушедшим на запад кочевникам [31, с. 53, 54].

Список литературы

1. Боталов С.Г. Сарматские памятники урало–казахстанских степей и среднеазиатских оазисов конца III—I вв. до н.э. (юэчжийско–сарматский историко–культурный комплекс) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Уральск, 2003. С. 89—99.
2. Крадин Н.Н. Империя Хунну. М.: Логос, 2001. 312 с.
3. Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978. 342 с.
4. Васильев К.В. Планы Сражающихся царств (Исследование и переводы). М.: Наука, 1968.
5. Ковалев А.А. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан–Удэ — Чита: Изд–во БГУ, 2002. С. 103—131.
6. Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М.: Восточная литература, 1998. 318 с.
7. Заднепровский Ю.А. К истории кочевников Средней Азии кушанского периода // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 293—296.
8. Крюков М.В. Восточный Туркестан в III в. до н.э. — VI в. н.э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.: Наука, 1988. С. 223—296.
9. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Пазырыкская узда. К предыстории хунно–юэчжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт–Петербург. СПб., 1998. С. 169—177.
10. Габуев Т.А. Происхождение алан по данным письменных источников // ВДИ. 2000. № 3. С. 50—62.
11. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк–Пресс, 2002. 338 с.
12. Бернар П., Абдуллаев К. Номады на границе Бактрии (к вопросу этнической и культурной идентификации) // РА. 1997. № 1. С. 68—86.
13. Гумилев Л.Н. Хунну. Степная трилогия. СПб.: Тайм–Аут–Компас, 1993. 224 с.
14. Заднепровский Ю.А. Подбойные погребения Центральной Азии: К вопросу об этнической атрибуции памятников юэчжей // Вторая Кубанская археологическая конф. Тез. докл. Краснодар, 1993. С. 37—39.

15. История таджикского народа. Т. 1. С древнейших времен до V в. н.э. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 596 с.
16. Молодин В.И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II // Феномен алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2000. С. 86—119.
17. Чикишева, Поздняков, 2000. С. 128 Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 3 (3). С. 116—131.
18. Молодин В.И., Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура и самодийская проблема // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск — Омск: ОмГПУ, 2001. С. 69—74.
19. Молодин В.И. Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 4. С. 131—139.
20. Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу (к вопросу об этническом составе населения Горного Алтая второй половины I тыс. до н.э.) // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 60—107.
21. Тетерин Ю.В. Демографическая ситуация в Горном Алтае в конце I тыс. до н.э. // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. С. 126—129.
22. Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 132—137.
23. Самашев З.С. Памятники кулажургинского типа // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 95—114.
24. Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 140—148.
25. Бейсенов А.З. Коргантасские погребения конца I тыс. до н.э. Центрального Казахстана и проблема изучения головных внутримогильных жертвенников // 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Тез. докл. международ. конф. (часть I). Улан-Удэ, 1996. С. 89—94.
26. Бейсенов А.З., Кожиков Д.А. Раннекочевнические курганы с жертвенными отсеками в Центральном Казахстане // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы: АГУ имени Абая, 1993. С. 59—64.
27. Полосьмак Н.В. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990. С. 101—107.
28. Миняев С.С. О дате появления сюнну в Ордосе // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 108—120.
29. Гуцалов С.Ю. Кочевники Южного Урала в конце V—III вв. до н.э. // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана: Изд-во «Култегін», 2003. С. 180—188.
30. Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7—2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 3—21.
31. Таиров А.Д. К вопросу о савромато-сарматских миграциях в лесостепное и степное Обь-Иртышье // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 50—54.